

Александр Яковлев

Большевизм — социальная болезнь XX века

«ЧЕРНАЯ КНИГА КОММУНИЗМА» — историко-публицистическое исследование преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Переведена на 31 язык. На русском языке вышла в издательстве «Три века истории». Вступительную статью к «ЧЕРНОЙ КНИГЕ КОММУНИЗМА» на русском языке написал политический и общественный деятель, публицист, социальный мыслитель, академик РАН Александр Николаевич Яковлев.

... Он прошел путь, исполненный глубокого драматизма, — от искреннего, последовательного коммуниста до искреннего последовательного демократа, антикоммуниста. Он описал в своих честных исповедальных книгах все противоречия, все сложности, все муки этого пути. Пожалуй, никто из наших современников не вложил столько сил, столько ума, не потратил столько времени для того, чтобы завоевания свободы, демократии в нашей стране, при всей их неполноте и фрагментарности, стали, тем не менее прочными, необратимыми.

Александр ГЕЛЬМАН

Фото: krugosvet.ru

(продолжение, начало в №№ 100-103)

Во имя спасения страны и всего мира необходима последовательная и решительная дебольшевизация государства и общества.

Было бы пагубным для России повторить ошибки, допущенные демократической властью после августовских и октябрьских событий 1991 года и годов, когда вдохновители и организаторы военных мятежей были странным образом прощены, более того, перед ними распахнуты двери для продолжения антинародной деятельности и подготовки ползучего переворота, знаки которого очевидны.

Я против «охоты на ведьм». Тем более, что основные преступники уже покинули сей мир. Да и то сказать: все мы — вольно или невольно, прямо или косвенно, — но были соучастниками или молчаливыми свидетелями сотворенного Зла. Рано или поздно, но всем нам не избежать покаяния.

Речь идет о другом. Я призываю к последовательной диктатуре Закона в России, и только Закона, включая неукоснительное исполнение решений Конституционного суда относительно компартии.

Новое нашествие большевизма должно быть предотвращено, чтобы коммунистические оккупанты навсегда остались на помойке истории, как это сделал Запад в отношении гитлеризма.

Так уж сложилась моя судьба, что я много и въедливо изучал работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, Мао и других «классиков» марксизма, основателей новой религии — религии ненависти, мести и атеизма. Это не прошло даром: именно «классики» сделали меня убежденным антикоммунистом, противником мракобесного, коварного своей простотой и доступностью учения.

Давным-давно, более 40 лет назад, я понял, что марксизм-ленинизм — это не наука, а публицистика — людоедская и самоедская. Поскольку я жил и работал в высших «орбитах» режима, в том числе и на самой высшей — в Политбюро ЦК КПСС при Горбачеве, я хорошо представлял, что все эти теории и планы — бред, а главное, на чем держался режим, — это номенклатурный аппарат, кадры, люди, деятели.

Деятели были разные: толковые, глупые, просто дураки. Но все были циники. Все до одного, и я — в том числе. Прилюдно молились лжекумирам, ритуал был святостью, истинные убеждения — держали при себе.

Любое деяние, доведенное до абсурда, неизменно становится фарсом. Сталин, Хрущев и Брежнев не жалели ни денег, ни времени на создание чудовищного по масштабности и нелепости культа Ленина. Он стал советским богом, его «труды», любая глупость или банальность сомнению не подлежали.

В любом зачуханном кабинете даже малюсенького советского чиновника — партийного, государственного, мундирного — в застекленном шкафу сзади или сбоку столоначальничьего кресла неизменно стояли 55 томов Полного собрания ленинских статей и брошюр. В подавляющей массе своей чиновники никогда не пользовались этими книгами, но они, как галстук, были обязательной составляющей кабинетного интерьера номенклатуры всех мастей.

После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без усталости говорили о «гениальности» позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще.

Начался новый виток разоблачения «культ личности Сталина». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна.

Потом появилось мое определение большевизма. В законченном нынешнем варианте оно выглядит так:

«С точки зрения исторической, большевизм — это система социального помешательства, когда были физически уничтожены крестьяне, дворянство, купечество, весь слой предпринимателей, духовенство, интеллектуалы и интеллигенция; это «крот истории», вырвавший братские могилы от Львова до Магадана, от Норильска до Кушки; это основанная на всех видах угнетения эксплуатация человека и экологический вандализм; это — античеловеческие заповеди, вбиваемые с беспощадностью идеологического фанатизма, скрывающего ничтожемыслие; это — фугас чудовищной силы, который чуть было не взорвал весь мир.

С точки зрения философской — это субъективное торможение объективных процессов, непонимание сути общественных противоречий; это мышление категориями социального нарциссизма и рефлекторное неприятие любого оппонента; мегатоннаж догматизма, промежуточный и конечный результат потребительски-расчетливого отношения к истине.

С точки зрения экономической — это минимальный конечный результат при максимальных затратах в силу волюнтаристского отрицания закона стоимости; анархия производительных сил и бюрократический абсолютизм производительных отношений; консервация научно-технической отсталости; нарастание застойных явлений; уравниловка как универсальный, может быть, единственный способ «винтикообразить» людей.

В международном плане он является явлением одного порядка с германским нацизмом, итальянским фашизмом, испанским франкизмом, пол-потовщиной, с современными диктаторскими режимами, каждый имеет свои особенности, но суть остается одной и той же».

Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и

тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. Уже в начале перестройки были изданы десятки ранее запрещенных книг: «Ночевала тучка золотая» Приставкина, «Белые одежды» Дудинцева, «Дети Арбата» Рыбакова и многие другие, выпущены на экран около 30 фильмов, тоже ранее запрещенных, в том числе «Покаяние» Т. Абуладзе. Появилась свободная печать.

Блистательные экономисты-публицисты — покойный Василий Селюкин, Николай Шмелев, Гавриил Попов, Лариса Пияшева, Николай Петраков, Анатолий Стреляный и другие — вначале скороговоркой, а затем и в полный голос заговорили о рынке, товарно-денежных отношениях, кооперации и прочем.

Затратность, то есть патологическая неэффективность плановой, административно-командной экономики, сидела в печенках каждого здравомыслящего человека. Кошмарный товарный голод и невероятные ресурсные затраты, коррупция, дефицит, полумифические деньги, на которые ничего нельзя было купить, водочные и табачные бунты...

В защиту «завоеваний социализма» против реформ немедленно встала «вся сталинская рать» номенклатуры во главе с вождями большевизма. Газета «Советская Россия», основной издатель клеветы в мой адрес и по сей день, в марте 1988 года опубликовала статью Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Это был своего рода антиперестроечный манифест, боевой клич неосталинистов.

В ответ была резко ужесточена антисталинская дискуссия под девизом «Факты выше принципа». Быстро дошла очередь и до Ленина: факты его деятельности потрясали людей, ничего не знавших о мегапреступности вождя.

Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала. Иного способа политической борьбы у нас не было, большевизм напроочь отвергал любые демократические преобразования, любое инакомыслие.

Например, мои работы и выступления 1987-1988 годов, частично и 1989 года, были густо написканы цитатами из Маркса и особенно из Ленина. Благо, что у Ленина можно найти сколько угодно взаимоисключающих высказываний и практически по любому принципиальному вопросу.

Можно ли было в те годы быть реформатором более радикальным? Нет, лобовой, таранный реформизм был бы немедленно остракизован, изничтожен, изолирован в тюрьмах и лагерях. Главное в то время — обеспечить максимально возможный доступ людей к объективной информации. Выше я говорил об «информационной аваркии». Режим всячески оберегал ее, ибо 70 лет вел против своих подданных перманентную гражданскую войну всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Горбачеву и его сподвижникам удалось сначала смикшировать, а потом и закончить эту проклятую войну.

(продолжение следует...)